

Обзоры и рецензии * *Reviews*

<https://doi.org/10.3176/lu.1966.2.08>

Alo Raun and Andrus Saareste, *Introduction to Estonian Linguistics*. — *Ural-altaische Bibliothek XII*, Wiesbaden 1965. X, 123 стр.

А. Раун в значительной степени переработал исследование А. Сааресте «Kaunis emakeel». Включены новые главы и части глав. Выпущены устаревшие и неправильные материалы, добавлены новые данные и предположения. Поэтому рецензируемая работа справедливо считается не переводом на английский язык «Kaunis emakeel», а новым самостоятельным трудом, в котором только использованы уже опубликованные А. Сааресте материалы. Авторами с полным правом названы оба исследователя.

«Introduction to Estonian Linguistics» дает представление об эстонском языке всем, кто читает по-английски. В работе определяется положение эстонского языка в семье других прибалтийско-финских и финно-угорских языков, приводится подробный обзор исследований в области эстонского языка и развития литературного языка, разбираются вопросы фонологии, морфологии, синтаксиса и лексического развития. Дан здесь и разбор диалектов эстонского языка. Хотя авторы и оговаривают, что библиография включает лишь избранные работы, наиболее соответствующие исследуемой теме, количество упомянутых трудов и публикаций довольно велико. Почти полностью представлены относящиеся сюда работы советских ученых. Говоря коротко, можно отметить, что «Introduction to Estonian Linguistics» — это труд, в котором при небольшом объеме авторы сумели дать много нужного и правильного об эстонском языке. У рецензента, таким образом, нет необходимости уделять излишне много внимания положительным сторонам работы. Так как совместный труд А. Рауна и А. Сааресте, несомненно, по-

лучит широкое распространение, имеет смысл обратить внимание читателя именно на те моменты, в отношении которых могут быть мнения, отличные от высказанных авторами, а также на то, что можно дополнить или отметить как особую заслугу авторов. Замечания рецензента приводятся по главам и страницам.

Прежде всего, на стр. 1 и сл. авторы приводят устаревшие положения о контакте прибалтийско-финских племен с балтийцами, германцами и славянами, временем возникновения которого они считают 500 год до н. э., начало нашей эры, resp. 600 год н. э. Упомянуется, что ученые Советской Эстонии отнесли хронологию возникновения этих контактов в более далекое прошлое. Констатируя существование двух точек зрения по данному вопросу, было бы целесообразно отметить, что исследователи Советской Эстонии располагали множеством новых археологических и языковых материалов, на основе которых стало возможным создать новую хронологию. Следовало бы также отметить, что в наиболее давние контакты с западными славянами, относящиеся к концу I тыс. до н. э., прибалтийско-финские племена вступали именно на землях в районе Вислы; контакты с восточными славянами возникли значительно позже.

В небольшой по объему главе, которая посвящена исследованиям по эстонскому языку и развитию литературного языка, приведен очень подробный материал, дающий читателям в общем правильное представление о предмете. Хотелось бы высказаться лишь относительно отдельных деталей. На стр. 5 говорится о ка-

техизисе, появившемся в 1535 г. на нижненемецком и эстонском языках. Автором эстонского текста назван *Köll*. В свое время это имя писали по-разному: *Koel*, *Koell*, а также *Kohl*, поэтому в наши дни правильнее писать его *Kool*. На стр. 6, основываясь на устаревших данных балтийско-немецкой историографии, авторы пишут, что выдающийся эстонский языковед Фердинанд Иоханн Видеман происходил из немцев и шведов. Архивные документы помогли установить, что один дед Видемана был немцем, второй (со стороны матери) — датчанином. Обе бабушки его — эстонки. Сохранилось несколько высказываний самого Видемана, в которых он причисляет себя к эстонцам. На стр. 10 отмечается исследователь эстонского литературного языка Х. (= Хейно) Ахвен, в то время как выделить следовало бы скорее Э. (= Ээву) Ахвен. Там же упоминается в качестве языковеда А. Вага, который был биологом и только в пожилом возрасте в некоторой мере увлекся изучением языка.

Новый материал содержит глава о фонологии эстонского языка, особенно в отношении методики. Создателям школьных грамматик необходимо принять этот материал во внимание. В этой главе авторы отрицают наличие фонемы η . Однако в эстонском языке существует столько случаев оппозиции n и η , что последнюю можно считать самостоятельной фонемой. В защиту и против этой фонемы написано много. Авторы предполагают, что оппозиция n и η — квазифонематическая. Но бывают случаи, где эта оппозиция отнюдь не квазифонематическая. На стр. 16 авторы считают, что сочетание гласных *ou* не встречается в исконно эстонских словах (in native words). Все же существует несколько чисто эстонских слов с *ou*, например *koukima*.

Глава о морфологии и синтаксисе эстонского языка рельефно подчеркивает характерные особенности эстонской грамматики. Здесь необходимо выделить одно обстоятельство. На стр. 38 авторы заявляют, что парциальным дополнением в эстонском языке наряду с партитивом может быть и элатив, например, в предложении *mis sa minust kiusad?* Это справедливое утверждение. Местные падежи в финно-угорских языках могут быть и

прямыми падежами объекта, хотя многие авторы грамматик не хотят этого признавать, поскольку с точки зрения грамматики индоевропейских языков это кажется странным. В рассматриваемой главе приводятся некоторые случаи произношения, в отношении которых мнение рецензента расходится с мнением автора. На стр. 23 слову *õndsas* приводится фонетическое соответствие *gñtsas*. Однако в общенародном произношении n все же не палатализируется. Отметим же палатализацию следовало бы перед i в следующих случаях: *saunik*, *teisik*, *joodik*, *rätik*, т. е. *saunük*, *teisük*, *joodük*, *rätük* (стр. 26 и сл.). Имеется еще несколько случаев обозначения и необозначения палатализации, в которых рецензент не может согласиться с авторами работы.

В главе, посвященной лексике, приводится несколько примеров древней исконной финно-угорской лексики, а также примеры заимствований различных пластов и направлений. Эта глава в целом тоже написана со знанием дела. Однако и здесь у рецензента имеются отдельные замечания. На стр. 38 приводится исконное слово *jugapiin*, но при нем ставится знак вопроса, который здесь не нужен, так как это слово действительно исконно прибалтийско-финское. В эстонском языке *jugapiin* значит 'твердое, упругое дерево' (ср. с финским передневокальным соответствием *jukevä*). Не нужен вопросительный знак и перед словом *pang* (стр. 39), так как и оно прибалтийско-финского происхождения. На стр. 44 приводятся балтийские заимствования, часть из них — с вопросительными знаками: *hagu*, *kadakas*, *kulu*, *harakas*, *kägu*, *meltsas*, *õhv*, *kinnas*, *ait*, *kõik*, *lausuma*. Слова *kinnas* и *maja*, приведенные в этом списке, представляют собой, наоборот, прибалтийско-финские заимствования в балтийских языках. Не из балтийских языков попали к нам и остальные перечисленные слова. Из приводимых на стр. 44 германских заимствований следовало бы исключить *humal*, *kurk* (ген. *kurgu*), *ent*, *vene* 'Russian'. *Varblane* (стр. 44) совсем не обязательно русское заимствование. На стр. 45 приводится ряд более поздних балтийских заимствований, которые попали в эстонский язык из латышского. Среди них

упомянуты *taru, mulk, pärdik*, которые пришли не из латышского языка. Не являются латышскими заимствованиями и *ass* (из нижненемецкого) и *tsura* (предположительно из белорусского). Авторы в изобилии приводят слова, заимствованные эстонским языком из нижненемецкого и шведского. Часто трудно разобраться, из какого именно языка пришло то или иное слово. Среди представленных авторами шведских заимствований много таких, которые попали в эстонский язык скорее из нижненемецкого (стр. 45 и сл.), например: *iling, põök, rott, poort, püksid, tust, ahter* и многие другие. Среди нижненемецких заимствований упомянуты и такие, которые скорее представляют собой более древние германские заимствования, например, *marak(r)att* (стр. 46). Из русских заимствований следует исключить слово *uss*. В связи с лексикой обильно представлена и эстонская ономастика. На стр. 54, говоря о топонимике, авторы предполагают, что *Nõo* — немецкого происхождения. Более вероятно, что немецкое *Nüggen* происходит из древнего генитива эстонского названия.

Самая большая и основательная глава посвящена истории эстонского языка. Каждый период развития иллюстрирован примерами реконструированных текстов. В общем реконструкции верны, но в некоторых случаях авторы излишне поддаются влиянию финского языка. Хотя финский язык в целом более архаичен, чем эстонский, отнюдь не все в нем древнее, чем в эстонском. Так, на стр. 58 предполагается, что 1200 лет тому назад современное *kolmandal* имело соответствие *kolmantella* (ср. фин. *kolmannella*). В эстонском языке того времени вполне могло быть *kolmantalla*. На стр. 65 авторы высказывают предположение, что эстонские смычные были похожи на финские *k, p, t* и развились в те слабые *b, d, g*, что существуют в языке сегодня, только в XVI—XVII вв. Рецензент неоднократно указывал, что в эстонском и других прибалтийско-финских языках эти смычные уже давно были такими слабыми, какие мы имеем теперь в эстонском языке. В северо-восточном диалекте эстонского языка, в водском, финском и отчасти карельском языках можно обнаружить как раз обратное явление: уси-

ление смычных. В этой главе авторы также произвели в немцы человека, который в действительности был эстонцем, а именно они пишут, что Э. Аренс, первым применивший новую орфографию, был немцем по происхождению (of German extraction; см. стр. 70).

Главе об эстонских диалектах придана ценность примеры текстов на различных наречиях. Приводятся обстоятельные характеристики диалектов. По этой главе необходимо отметить следующее. На стр. 85 констатируется, что в южноэстонских районах пожилые люди не позволяют молодым дома говорить на литературном языке, а требуют верности диалекту. Говорится даже, что образованные люди Южной Эстонии в общении друг с другом пользуются диалектом. Это мнение основывается на устаревших данных. Положение было таковым несколько десятков лет тому назад. Сейчас в Южной Эстонии настолько распространен литературный язык, что и представители старшего поколения стремятся пользоваться им. Я неоднократно замечал в университете, что многие студенты из Юго-Восточной Эстонии очень слабо знают родной диалект. На стр. 85 авторы утверждают, что в таких примерах, как эст. *kael, naeran* и др., мы имеем дело с обобщенной слабой ступенью; в некоторых других случаях — с обобщенной сильной ступенью, сложившейся на основе ранее происшедшего чередования ступеней смычных (ср. фин. *kaula*, кар. *kakla*). Однако есть основания считать, что смычные, стоявшие перед вторым согласным, не имели чередования ступеней, а смычные перед звонкими согласными сами стали звонкими, с тем чтобы впоследствии через спиранты вокализироваться. На стр. 86 предполагается, что в Северной Эстонии *ps* сохраняется (*laps*), а в Южной перешло в *ss* или *ts* (*lats*). Раньше в словах типа *laps* было сочетание согласных *ps*, которое на юге и на севере Эстонии развивалось по-разному. На стр. 87 и сл. авторы в нескольких местах говорят о том, что в южноэстонском диалекте *-t* в конце слова превратилось также в гортанный взрывной. Финно-угроведы Советской Эстонии убедительно доказали, что только конечное *-k* могло превратиться в гортанный взрывной. По поводу этой главы

нужно также отметить, что авторы правы, предполагая, что южноэстонский диалект, или язык бывшего племени угала, мог развиваться в совершенно самостоятельный прибалтийско-финский язык, если бы не были единными экономика, история и административная территория южных и северных эстонцев. Следовало бы добавить, что обилие водских черт в северо-восточном диалекте (Кодавере) эстонского языка имеет более позднее происхождение. Эти черты не являются исконными.

В заключение нужно отметить, что А. Раун как фактический издатель публикации тщательно отредактировал книгу. Мне попались на глаза лишь очень немногие опечатки: стр. 12, 18 ряд св. 'yes' вместо 'yes'; стр. 12, 6 ряд сн. maia вместо *maia*; стр. 28, 9 ряд сн. nāte вместо *nāete*; стр. 50, 9 ряд св. *kiuru* неправильно переведено на английский язык; стр. 63, 20 ряд св. *kūla* вместо *kūlä*.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I, Чебоксары 1965. 160 стр.

В 1965 году опубликована первая часть книги М. Р. Федотова «Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми», посвященная исследованию чувашско-марийских связей на основании языковых данных. Книга состоит из предисловия и четырех неодинаковых по объему глав. До последнего времени выяснением тюркских элементов в марийском и некоторых финно-угорских языках занимались в основном финно-угроведы. В настоящее время интерес к этому вопросу проявляют и тюркологи, о чем свидетельствует и названная работа М. Р. Федотова.

К чувашским заимствованиям, установленным в марийском языке предыдущими исследователями, автор рецензируемой книги добавил ряд новых слов. Новыми являются, например, следующие сопоставления: *йывыжи* 'тихоня' < чув. *йăваш* 'кроткий, тихий, смиренный' — татар. *юаш*, уйг., тур. *javash* 'смиренный, кроткий; спокойный' (стр. 81); Г *айо* 'праздник' < чув. *ояв*, *уяв* 'празднование, праздник' — уйг. *айа* 'почитать, уважать', *айау* 'почитание' (стр. 138); Г *какар*

гаиш, Л *какаргаиш*¹ 'синеть, багроветь' < чув. сунд. *куакар*, *кавакар* 'синеть, багроветь' — чаг., койб., саг. *көгӓр* (*кӧк* + *ӓр*) 'зеленеть, становиться зеленым, синим' (стр. 88); Г *парне* 'подарок' < чув. *парне* 'подарок, дар, жертва' — кар. *бӓрнэ* 'подарок' (стр. 100).

Однако в работе имеется ряд ошибочных или недоказанных положений, на анализе которых считаем необходимым остановиться более подробно.

В работе явно преувеличено количество слов чувашского происхождения в марийском языке. Автор их доводит до 1200 слов. Объясняется это следующими обстоятельствами.

1. К чувашским заимствованиям в марийском языке причислен целый ряд слов, общих для чувашского и марийского языков, хотя из сопоставленных лексических единиц лишь марийские имеют свои параллели в родственных языках, что, несомненно, свидетельствует о заимствовании.

¹ Эти слова в книге даны в виде Г *кагараиш*, Л *кагараиш*, что является, по-видимому, опечаткой.